

Многофакторный анализ внешнеполитического процесса: теоретический аспект проблемы

Виталий Евгеньевич Болдырев,

младший научный сотрудник Центра региональной безопасности Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: boldyrev89@list.ru

В настоящей статье предлагается новый метод анализа внешнеполитического процесса и прогнозирования внешней политики. При его разработке учтены достижения отечественной и американской школ политического анализа и истории международных отношений. Все они разделены на три категории: линейные, нелинейные, не требующие строгой формализации. Последние позволили выделить принципиально новую методологическую основу. Ей выступила математическая функция как соотношение $y=f(x)$, на основе которой была разработана матрица многофакторного анализа, обладающая следующими характеристиками: отказ от жёсткой формализации, учёт влияния среды, представление внешнеполитического процесса в виде множества интервалов и фрактала, использование мультидисциплинарной методологии. В соответствии с многофакторным анализом механизм фрактализации внешнеполитического процесса и возникновения интервалов задаётся его антиномиями. К числу противоречий, которые влияют на принятие конкретного решения, относятся антиномии: целого и частного, постоянного и случайного, рационального и иррационального. Их анализ позволяет выявить ограничители внешнеполитического процесса, причины, основания и пределы интересов, проследить их трансформацию и спрогнозировать конечное решение. Но модель обладает кластерным характером. Выделяются три варианта взаимодействия акторов процесса: внутри детерминанты, между детерминантами, между классами. Многофакторный анализ позволяет более точно определить пределы внешнеполитических интересов. В целом изложенные теоретические положения дают возможность исследовать внешнеполитический процесс как динамическое явление на основе понятия математической функции, её производной и первообразной.

Ключевые слова: внешнеполитический процесс, многофакторный анализ, многофакторная модель, математическая функция, кластер, антиномия, интервал, фрактал.

Multiple-factor analysis of the foreign-policy process: a theoretical aspect of the issue.

Vitalii Boldyrev, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: boldyrev89@list.ru.

This article presents a new method of the analysis of the foreign-policy process and the prediction of foreign policy. During its development the achievements of domestic and American schools of the political analysis and the history of

foreign affairs are taken into consideration. They are divided into three categories: linear, non-linear, and those which don't need strict formalization. The latter made it possible to define a principally new methodological foundation. It's based on a mathematical function as a correlation $y=f(x)$ upon which a matrix of multifactor analysis was developed with the following characteristics: the denial of rigid formalization, the record of the effect of the environment, the representation of the foreign-policy process in terms of sets of intervals and fractal, the use of multidisciplinary methodology. According to multifactor analysis, the mechanism of fractalisation of the foreign-policy process and the onset of intervals is set by its antinomies. The antinomies refer to the contradictions which affect a certain decision: the integer part of a quotient, constant and random, rational and irrational. Their analysis enables to reveal restraints of the foreign-policy process, the reasons, the grounds and limits of interests, to retrace the transformation and to predict the final decision. But the model has a cluster character. Three variants of interaction of process actors are distinguished: inside determinant, between determinants, between classes. The analysis allows defining more precisely the limits of foreign-policy interests. On the whole, these theoretical propositions make possible to analyze the foreign-policy process as a dynamic phenomenon on the basis of the mathematical function, its derivative and antiderivative.

Keywords: foreign-policy process, multifactor analysis, multifactor model, mathematical function, cluster, antinomy, interval, fractal.

В годы холодной войны, когда интенсифицировалось изучение процесса принятия решения, в т.ч. и внешнеполитического процесса (ВПП), у исследователей, аналитиков и экспертов возникла потребность формализовать его в рамках конкретной теории или модели. В течение нескольких десятилетий были предложены методы и подходы для анализа этого явления, которые условно можно разделить на два больших класса: *строغو формализующие* и *нестроغو формализующие* предмет исследования.

Среди первых наиболее простыми для понимания являются теории и модели, сосредотачивающиеся на участии отдельных органов власти, ведомств, социальных сил в принятии решений. Обозначим их *линейными*. Первой линейной теорией был функционализм. В его рамках учёные исследовали и прогнозировали внешнюю политику, основываясь на конкретной роли министерств, ведомств и иных властных органов в ВПП [12]. Однако при таком подходе руководство представлялось изолированным от общественных и экономических процессов внутри страны, внешний курс моделировался как сумма мнений лиц, ответственных за принятие решений.

Структурализм в целом сохранил основные черты линейности, но обозначил отход от неё. С одной стороны, процесс по-прежнему представлялся в виде суммы действий и интересов его участников, с другой — были

выявлены основные каналы взаимодействия между разными его силами: правительством, законодательной властью, бизнесом, общественным мнением, СМИ и т.д. [8].

Более жёстким в плане формализации процессов стало математическое моделирование, которое требовало строгого соответствия механизма заданным параметрам [16]. Практическое использование этого подхода было сильно затруднено, т.к., во-первых, люди, принимающие решения, не компьютеры, и им свойственно в различных ситуациях поступать по-разному, во-вторых, анализ одного фактора требовал большого количества формул. Эти тонкости не учли разработчики моделей, однако их опыт всё же является положительным: он продемонстрировал полезность математики в политологических исследованиях и доказал, что процесс принятия решений не является линейным.

Данные идеи, как и работы в рамках кейс-стадис, нашли отражение в созданных Н.О. Берри кейс-моделях [2]. Но ему не удалось избавиться от строгой формализации: ключевые силы процесса сочетались в четырёх комбинациях, хотя для каждой необходимо было учитывать роль дополнительных факторов. Хотя этот подход является жизнеспособным, он не позволяет анализировать «нестандартные комбинации», которые им не предусмотрены.

Таким образом, несмотря на всю полезность данного класса методов и моделей, в условиях турбулентной международной среды и усложняющихся условий принятия решений они уже не позволяют с прежней точностью исследовать, моделировать и прогнозировать внешнюю политику. Более перспективными представляются теории и подходы, не требующие строгой формализации.

Пионерные разработки в этой области провели академик Е.М. Примаков и профессор М.А. Хрусталёв. По мнению последнего, оптимальное сочетание достижений математики с собственно политологическим анализом повышает точность прогнозирования и моделирования. Также Примаков и Хрусталёв совместно разработали метод ситуационного анализа, с помощью которого аналитические сценарии адаптировались к конкретным исследуемым ситуациям. Это позволяет, с одной стороны, выявить системные и структурные связи в рамках конкретной проблемы, а с другой — предполагает полный отказ от строго заданного аналитического сценария [3; 13].

Одной из наиболее распространённых современных теорий является *теория сложности*, которая выросла из системного анализа. Значимым её преимуществом является положение о том, что внешняя политика формируется под воздействием агентов, т.е. сил, заинтересованных в том или ином курсе. На реализацию их интересов влияют трансформации системы (хотя признаётся и обратная связь), они зависят от социальных и экономических процессов, к числу важнейших факторов относят культурные [7]. Вместе с тем, несмотря на то что параметры моделирования

существенно смягчаются, а агенты признаются многочисленными, присутствует стремление ограничить их действия и взаимодействие материальными параметрами. Последнее указывает на общий фундамент данной теории с системным анализом, что не даёт возможности всесторонне изучить ставшие в наши дни многогранными международные отношения и внешнюю политику.

Концепция асимметрии информации указывает на основную проблему теорий, рассматривающих все события в качестве детерминированных: в стороне остаётся механизм возникновения причинно-следственных связей. В соответствии с положениями концепции, в центре внимания учёных и экспертов должно находиться исследование влияния событий международной среды на принятие решений [9]. Иными словами, подразумеваются отказ не только от детерминирования, но и от формального моделирования, а также сбор и анализ информации в ходе исследования конкретной ситуации.

Ещё ряд учёных изучал роль культурно-цивилизационных факторов во внешней политике. Наиболее успешным в плане практического применения стало выделение конкретных факторов этой категории, которым соответствуют конкретные архетипы [10]. Это позволяет более точно определить место культурной составляющей в ВПП.

Наконец, в последние годы академическое сообщество обратило внимание на прикладной характер междисциплинарных исследований международных отношений. Конкретная комбинация методов разных общественных наук зависит от предмета исследования [1]. Здесь учёные и эксперты обращаются к отдельным положениям истории, культурологии, антропологии, экономики и т.д.

В целом эти достижения знаменуют существенный прогресс, отход от строгого моделирования, от восприятия процессов как детерминированных, окончательно закрепляют отказ от понимания ВПП как линейного процесса, но все они стоят на разных теоретических основаниях, что затрудняет соединение их преимуществ в рамках одного исследовательского проекта.

Ввиду этого мы вынуждены обратиться к опыту историков-международников, которые раньше других учёных-гуманитариев приступили к разработке современного междисциплинарного теоретико-методологического аппарата.

На волне перестройки, гласности, а также двух разрядок в советско-американских отношениях (времен Л.И. Брежнева и М.С. Горбачёва) американские, а затем советские и европейские учёные приступили к пересмотру традиционных взглядов на холодную войну. Ключевой характеристикой современного этапа исследований стал постревизионизм. В соответствии с американской традицией проф. Дж.Л. Гэддис определил его как консенсус, вобравший в себя традиционные, ревизионистские и более сбалансированные интерпретации внешней политики и международных отноше-

ний периода холодной войны [5]. Академик А.О. Чубарьян уточняет, что для постревизионизма характерны сбалансированные исследования, а качественный плюрализм мнений в рамках направления невелик [14; 15]. При этом, как отмечают Н.И. Егорова [6] и В.В. Согрин [11], основой стала междисциплинарность, под которой понимается использование в исторических трудах подходов, категорий и понятий других социальных наук при надлежащем соединении с собственно исторической методологией.

В контексте разработки многофакторной модели ВПП (ММ ВПП) из арсенала современной исторической науки были взяты следующие теоретические положения. Во-первых, необходимо учитывать достижения различных школ истории международных отношений и политологии:

- классические исследования, основанные на функционализме, которые изучали роль конкретных ведомств в принятии решений;
- неклассические (ревизионистские) исследования, где акцент смещён в сторону анализа структуры взаимоотношений ведомств, политических и общественных сил в процессе принятия решений;
- понимание многогранности процесса принятия решений и его зависимости от множества факторов, выступающих каждый раз в разных комбинациях, в т.ч. нестандартных, которые не поддаются анализу с помощью методологии, предполагающей строгую детерминированность событий.

Этот синтез полностью соотносится с постревизионизмом истории международных отношений: он вобрал в себя достижения классических и неклассических трудов и стремится к более сбалансированному исследованию.

Во-вторых, возникает необходимость использования междисциплинарной методологии, более широкой, чем в исторических работах. Поскольку предполагается, что ММ ВПП будет адаптироваться к процессу принятия решений в разных странах, различающихся государственным, общественным и экономическим строем, формой правления, специфическими традициями, нужно обращаться к отдельным положениям истории, политологии, социологии, экономики, культурологии, психологии и других наук.

В-третьих, несмотря на то, что данное исследование является политологическим, ему отнюдь не чужд принцип историзма. Нормы и правила процесса вырабатывались в каждой из стран на протяжении многих десятилетий, прошли не один этап формирования, прежде чем предстали перед нами в современном виде. Поэтому здесь принцип заключается в строгом соответствии интерпретации явления этапу его развития. Это в свою очередь открывает перспективы использования многофакторного анализа не только в политологических, но и в исторических исследованиях.

Для создания ММ ВПП исходной стала гипотеза о возможности соединить системно-структурный анализ, которого придерживались Г.А. Трофименко и П.Т. Подлесный [8], и кейс-моделирование Н.О. Берри [2],

дополнить их преимуществами методов, не требующих строгого моделирования, и совместить с антиномиями ВПП¹. Такой синтез позволит, с одной стороны, более тщательно исследовать отдельные характеристики процесса, а с другой — придать картине целостность и стройность и отойти при этом от жёсткого детерминирования.

Всё выше сказанное свидетельствует о сложности и многогранности исследования. Однако нельзя не заметить, что механическое соединение достижений теории с противоречиями, характерными для ВПП, приведёт к фрагментированному результату, который не будет соотноситься с системной картиной. Вследствие этого требуется принципиально новая теоретико-методологическая основа.

Нам представляется, что таковой может быть понятие *математической функции* $y=f(x)$. Здесь важен её принцип: согласно формуле, определённому значению *аргумента (независимой переменной)* соответствует определённое значение *функции (зависимой переменной)*. В нашем случае роль аргумента выполняют *детерминанты*, под которыми понимаются конкретные силы ВПП или их ключевые характеристики, в качестве же функций выступают *факторы* ВПП. Место математических формул занимают сложившиеся нормы, правила, традиции.

Базовая малая модель внешнеполитического процесса

Переменные	Детерминанты						Внешняя среда
	Детерминанта 1	Детерминанта 2 ... k	Детерминанта 3	Детерминанта 4 ... m	Детерминанта 5	Детерминанта 6 ... n	
Фактор главы государства	+	+					
Фактор исполнительной власти (центрального руководства)			+	+			
Общественно-политический фактор					+	+	
Внешний фактор							+

Рассмотрим теоретический аспект применения ММ ВПП для анализа и прогнозирования внешней политики в условиях возрастающей неопределённости и сложности международной среды. Выделяются следующие характеристики модели.

Во-первых, она предполагает отказ от строгой формализации процесса и тем более сбора данных в соответствии с исходным вариантом. Наоборот, требуется обработка максимально полной информации по иссле-

¹ См.: Болдырев В.Е. Внешнеполитический процесс США: перспективы многофакторного анализа // Россия и АТР. 2015. № 1. С. 14—23.

дуемому вопросу. В дальнейшем анализируется взаимодействие сил ВПП согласно нормам, правилам и традициям, принятым в конкретном государстве, а сама модель адаптируется.

Во-вторых, она инклюзивна в отношении внешней среды в различных её проявлениях. Иными словами, экономическая, политическая, социальная и иные системы государства зависят от систем международной среды, и наоборот. При этом воздействие носит сетевой характер. Оно влияет на интересы участников ВПП и, соответственно, на проводимый в жизнь курс.

В-третьих, модель понимает ВПП как многоуровневое явление. В качестве первого уровня выступает он в целом. Второй уровень — процесс, связанный с конкретным случаем, и заключённый в несколько *интервалов*, крайними точками которых являются предельно допустимые решения для каждого из его участников. Третий уровень связан с возможными итоговыми решениями².

В-четвёртых, ВПП в целом — это *фрактал*, т.к. состоит из множества подобных структур, связанных с ВПП в отношении конкретного вопроса. Параметры *фрактализации* задаются внешней средой и интересами участников процесса. Конечной наименьшей структурой является принятое решение.

В-пятых, многофакторное исследование ВПП носит мультидисциплинарный характер. Его задача, как и в случае с постревизионистскими исследованиями истории международных отношений, — дать сбалансированный анализ происходящего с применением методов разных общественных наук, адекватных рассматриваемому случаю [5; 15].

Основными составными частями многофакторной модели являются детерминанты, переменные, кластеры и антиномии.

Детерминанты и переменные взаимодействуют между собой на основе математической функции $y=f(x)$, в которой роль формул выполняют правила, нормы и традиции. Для каждой страны должны быть выделены детерминанты и переменные, соответствующие её специфическому социальному, политическому, экономическому строю, определены традиции, нормы и правила взаимодействия элементов модели между собой. В конкретном случае исследователь вправе обращаться к положениям разных общественных наук.

Однако ВПП постоянно характеризуется и противоречиями (антиномиями), которые задают предельные его параметры. Исследуем характер их влияния ниже.

Антиномия целого и частного. Поскольку ВПП является многоуровневым, он перманентно характеризуется данной антиномией. Если принимать первый уровень — ВПП с его общими параметрами — за целое, то второй, связанный с допустимым конкретным случаем, частный по

² Это деление было дано в соответствии с трёхуровневой структурой глобальных проблем. Подробнее: [4].

отношению к нему. Иными словами, ВПП в целом фрактал, образованный элементами второго уровня. Последний в свою очередь также является фракталом, состоящим из элементов третьего уровня — предпочтительных конечных внешнеполитических решений, из которых будет принято одно-единственное.

Таким образом, при моделировании исследователь сталкивается с выделением всё меньших структур (комбинаций детерминант), подобных большим структурам. Обозначим этот процесс *фрактализацией ВПП. Фрактализующим параметром*, т.е. задающим условия для возникновения интервала интересов и принятия конкретного решения, является международная среда (внешний фактор). Предельные интересы каждого из участников процесса, которые в конце концов определяют принимаемое решение, выступают в качестве *корректирующих параметров*.

В связи с этим исследователю необходимо исходить из того, что в рамках разработки политики и/или решения могут проявиться любые возможные комбинации. Более точно определить *интервал* интересов позволит анализ влияния внешней среды на участников ВПП. Поскольку он может оказаться слишком велик, требуется соотнести интересы каждого из них и тем самым сузить интервал, в котором лежит вероятное конкретное решение. Им выступит отрезок наложения интересов.

Такой алгоритм деления ВПП позволит всесторонне проанализировать информацию, выявить причинно-следственные связи интересов участников, более точно определить их комбинацию и, соответственно, спрогнозировать принимаемое решение.

Антиномия постоянного и случайного. Подавляющее большинство разработанных до начала XXI в. методов исследования ВПП, да и некоторых современных теорий, строится на анализе постоянных механизмов, функционирующих на протяжении десятилетий. В ходе работы с ними некоторые «нестандартные» шаги участников процесса предстают «чёртом из табакерки», который никак не вписывается в существующую модель.

Как видится, возникновению таких ситуаций способствует следующее. Значимое влияние оказывает нестабильная (быстро модифицирующаяся или трансформирующаяся) международная среда, которая детерминирует поведение участников ВПП. Соответственно, на первый план выходит анализ событий разного характера и масштаба, происходящих в разных уголках мира, но способных повлиять на политику конкретного государства. Предпочтительным выглядит обращение к их делению, применяемому в рамках концепции асимметрии информации. Первая группа событий влияет на состояние среды, вторая представлена казуальными событиями (т.е. они являются причинами других событий), а третья — экспоненциально-масштабируемыми [9]. Вероятность возникновения случайного в ВПП связана с тем, как отреагирует на них лицо, ответственное за принятие решения, как их воспримут участники процесса, как на данную реакцию

откликнется лицо, принимающее решение. От правильного ответа на эти три вопроса зависит прогноз соотношения постоянного и случайного в ВПП.

Антиномия рационального и иррационального. Вплоть до 1990-х гг. учёные концентрировали внимание главным образом на рациональном поведении акторов. Исследования иррационального во внешней политике носили эпизодический характер или реконструировали фрагментированную картину. В наши дни эта сторона активно исследуется, предложено несколько разных подходов. По нашему мнению, предпочтителен следующий. Во-первых, необходимо определить ключевые культурно-цивилизационные факторы, являющиеся прочными постоянными элементами национального коллективного бессознательного. Во-вторых, разделить их по степени и сферам влияния. В-третьих, выявить степень влияния на принимаемое решение каждого из участников ВПП, а именно определить — стал ли иррациональный фактор ведущим, или иррациональный и рациональный факторы играют одинаковую роль, или иррациональное выступило лишь благоприятным фундаментом для рационального решения. Такой подход к исследованию позволит точнее выявить мотивы, которыми руководствуются акторы процесса.

В целом антиномии позволяют выявить ограничители ВПП, причины и основания интересов, определить их пределы, проследить трансформацию причинно-следственных связей, соотнести интересы между собой и спрогнозировать конечное решение.

В то же время необходимо обратить внимание на кластерный характер модели. Под *кластером* мы понимаем *класс* родственных *элементов* модели. Классом выступает *фактор*, элементом — *детерминанта*. Такое построение позволяет максимально точно при имеющихся данных проанализировать тот или иной случай, выявить роль конкретной силы в принятии решения. Одновременно группировка кластеров в единую таблицу обеспечивает целостность картины, препятствует фрагментированному восприятию действительности.

Чтобы конструируемая с помощью матрицы реальность была более полной, необходимо проанализировать основные векторы взаимодействия её элементов и классов. Первым направлением являются устоявшиеся нормы и правила действий составных частей детерминанты в отношении друг друга, а именно разных групп интересов, срезов общественного мнения и электората, парламентских фракций, комитетов, групп внутри правительства и т.д. Итогом их шагов становится *результатирующая*, которая определяет позицию детерминанты по конкретному вопросу.

Вторым вектором является взаимодействие детерминант между собой в рамках одного или нескольких факторов. Если в первом случае на выходе получается консолидированная позиция конкретного элемента, то во втором вскрываются механизмы взаимодействия сил ВПП.

Третье направление связано с действиями и влиянием факторов в отношении друг друга.

Как видно, элементы имеют неоднородный характер. Он заключается в том, что одни представляют собой целое (президентский стиль руководства), а другие являются сложными (детерминанты общественно-политического фактора). Кроме того их взаимодействие носит многоуровневый сетевой характер, что позволяет вскрыть причинно-следственные связи, которые трансформируются под воздействием антиномий ВПП.

Классы, применяемые в ММ ВПП, позволяют точнее определить интервалы интересов, а значит, предотвращают перегрузку модели ненужной информацией. Это локализует вероятные решения на меньшем отрезке, чьи крайние точки являются предельно допустимыми вариантами решения, которых участники процесса будут стремиться избежать. Наложение интервалов друг на друга позволит выявить итоговый отрезок, где будет находиться конечное решение, а также определить степень и вероятность его отклонения. Предельными точками каждого из отклонений служат последовательно удалённые от итогового отрезка предельные точки наложенных интервалов.

С учётом описанной модели ВПП предстаёт бесконечно возможными комбинациями детерминант (x), определяющими бесконечно возможные значения факторов (y), которые в соответствии с конкретным случаем локализуются на конкретном интервале допустимых решений.

Если мы исследуем ВПП сквозь призму математической функции, с использованием понятия последней можно рассмотреть и комбинации сил в процессе принятия решений. Выше было выделено три их типа: допустимая комбинация (I), предпочтительная комбинация (II), итоговое решение (III).

В процессе исследования наиболее важна комбинация-II: она представляет собой совокупность функций (норм и правил) на узком интервале. Обозначим её $y = f(x)$. Соответственно, более сложную по нормам и правилам взаимодействия комбинацию-I назовём её *первообразной* $y = F(x)$. А конкретное решение (комбинацию-III) будем считать её *производной* $y = f'(x)$.

Такое понимание ВПП позволяет более гибко реагировать на изменения внешнеполитического контекста, отслеживать динамику процесса в конкретной стране, с большей точностью прогнозировать принимаемое решение.

В соответствии с многофакторной моделью ВПП предстаёт как процесс принятия внешнеполитических решений в условиях ограничений, налагаемых внешней средой. Акторы ВПП взаимодействуют друг с другом на основе норм, правил, традиций, характерных для данного государства, а их действия взаимно ограничены интересами — как собственными, так и друг друга. В каждом конкретном случае имеется своя специфика.

В контексте такого теоретического подхода внешнеполитическое решение является производной взаимодействия акторов ВПП, ограниченных условиями внешней среды и комбинацией взаимных интересов, специфических для конкретного случая.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алексеева Т.А., Казанцев А.А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ: учеб. пособие для студентов ВУЗов. М.: Аспект Пресс, 2012. 223 с.
2. Берри Н.О. Почему американскую политику так трудно понять? // Международная жизнь. 1998. № 11—12. С. 33—49.
3. Боришполец К.П. Методы политических исследований: учеб. пособие для студентов ВУЗов. М.: Аспект-Пресс, 2010. 230 с.
4. Геловани В.А., Бритков В.Б., Дубовский С.В. СССР и Россия в глобальной системе (1985—2030): Результаты глобального моделирования. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 320 с.
5. Гэддис Дж.Л. Предварительные оценки послевоенного противостояния // Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 56—62.
6. Егорова Н.И. «Новая история „холодной войны“» в современных зарубежных исследованиях // Новая и новейшая история. 2009. № 4. С. 116—129.
7. Зиновьева Е.С., Казанцев А.А. Сложность мировой политики: к вопросу о новой методологии анализа // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 4. С. 58—67.
8. Механизм формирования внешней политики США / под ред. Г.А. Трофименко и П.Т. Подлесного. М.: Наука, 1986. 216 с.
9. Миловидов В.Д. Управление рисками в условиях асимметрии информации: отличай отличимое // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 8. С. 14—24.
10. Согрин В.В. Архетипы и факторы цивилизации США // США — Канада: экономика, политика, культура. 2009. № 5. С. 3—22.
11. Согрин В.В. Исторический опыт США. М.: Наука, 2010. 581 с.
12. США: внешнеполитический механизм. Организация, функции, управление / под ред. Ю.А. Шведкова. М.: Наука, 1972. 368 с.
13. Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: учеб. пособие для ВУЗов. М.: Аспект Пресс, 2015. 208 с.
14. Чубарьян А.О. Новая история «холодной войны» // Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 3—22.
15. Чубарьян А.О. Происхождение «холодной войны» в историографии Востока и Запада // Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 63—67.
16. Enelow J.M. A New Theory of Congressional Compromise // American Political Science Review. 1984. Vol. 78. № 3. P. 708—718.

REFERENCES

1. Alekseeva T.A., Kazantsev A.A. *Vneshnepoliticheskij protsess. Sravnitel'nyj analiz. Uchebnoe posobie dlja studentov vuzov* [Foreign Policy Decision-Making Process. Comparative Analysis. Textbook for students of higher educational institutions]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2012, 223 p. (In Russ.)

2. Berry N.O. Pochemu amerikanskuju politiku tak trudno pon'at'? [Why is the US policy so hard to understand?]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 1998, no. 11—12, pp. 33—49. (In Russ.)
3. Borishpolets K.P. *Metody politicheskikh issledovanij. Uchebnoje posobije dl'a studentov VUZov* [Methods of political studies. Textbook for students of higher educational institutions]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2010, 230 p. (In Russ.)
4. Gelovani V.A., Britkov V.B., Dubovskij S.V. *SSSR i Rossija v global'noj sisteme (1985—2030): rezul'taty global'nogo modelirovanija* [USSR and Russia in a global system (1985—2030): Results of global modelling]. Moscow, Knizhnyy Dom «Librokom» Publ., 2009, 320 p. (In Russ.)
5. Geddis J.L. Predvaritel'nye otsenki poslevojen'nogo protivostojanija [Preliminary estimates of postwar opposition]. *Novaya i novejšaya istoriya*, 1991, no. 3, pp. 56—62. (In Russ.)
6. Egorova N.I. «Novaja istorija “holodnoj vojny”» v sovremennyh zarubezhnyh issledovanijah [«Modern history of “the cold war”» in contemporary foreign research]. *Novaya i novejšaya istoriya*, 2009, no. 4, pp. 116—129. (In Russ.)
7. Zinov'eva E.S., Kazantsev A.A. Slozhnost' mirovoj politiki: k voprosu o novoj metodologii analiza [Complexity of world policy: the issue of new analysis methodology]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015, no. 4, pp. 58—67. (In Russ.)
8. Trofimenko G.A. and Podlesnyj P.T., eds. *Mehanizm formirovanija vneshnej politiki SShA* [Formation mechanism of the US foreign policy]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 216 p. (In Russ.)
9. Milovidov V.D. Upravljenije riskami v uslovijah asimmetrii informatsii: otlichaj otlichimoje [Risk management under information asymmetry conditions: distinguish distinguishable]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015, no. 8, pp. 14—24. (In Russ.)
10. Sogrin V.V. Arkhetipy i factory tsivilizatsii SShA [Archetypes and the US civilization factors]. *SShA — Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA — Canada: economy, politics, culture], 2009, no. 5, pp. 3—22. (In Russ.)
11. Sogrin V.V. *Istoricheskij opyt SShA* [Historical experience of the USA]. Moscow, Nauka Publ., 2010, 581 p. (In Russ.)
12. Shvedkov Yu.A., eds. *SShA: vneshnepoliticheskij mehanizm. Organizatsija, funktsii, upravljenije* [USA: foreign-policy mechanisms. organisation, functions, management]. Moscow, Nauka Publ., 1972, 368 p. (In Russ.)
13. Khrustal'ov M.A. *Analiz mezhdunarodnyh situatsij i politicheskaja ekspertiza: Uchebnoje posobije dlja vuzov* [Analysis of international situations and political expertise: Textbook for students of higher educational institutions]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2015, 208 p. (In Russ.)
14. Chubarjan A.O. Novaja istorija «holodnoj vojny» [Modern history of «the cold war»]. *Novaya i novejšaya istoriya*, 1997, no. 6, pp. 3—22. (In Russ.)
15. Chubarjan A.O. Proishozhdenije «holodnoj vojny» v istoriografii Vostoka i Zapada [The origin of «the cold war» in historiography of the East and the West]. *Novaya i novejšaya istoriya*, 1991, no. 3, pp. 63—67. (In Russ.)
16. Enelow J.M. A New Theory of Congressional Compromise. *American Political Science Review*, 1984, vol. 78, no. 3, pp. 708—718. (In Eng.)